

Линь Го посмотрел на него с серьёзным видом и сказал:

— А ещё коммунальные платежи, разные расходы... Тебе сейчас кажется, что лишняя тысяча с чем-то в месяц — ерунда, но это потому, что мы пока живём на деньги родителей. Даже если взять семь месяцев, по полторы тысячи, за год наберётся больше десяти тысяч. Неужели нельзя найти этим деньгам лучшее применение?

Гу Чанъань положил пакет в тележку, откатил её в сторонку, где было потише, и, глядя на Линь Го, ответил:

— Я просто хочу проводить с тобой больше времени. Только ты и я. В нашем доме. Сейчас у меня, конечно, нет денег на покупку жилья — и будь уверен, если когда-нибудь куплю, то только на заработанные сам, не стану тянуть руку к родителям.

Он поднял глаза, огляделся, убедился, что никто не прислушивается, и снова посмотрел на Линь Го.

— Малыш, денег у меня и правда негусто. Но десять тысяч в год... за чувство, что у нас с тобой есть дом, — я считаю, это того стоит.

Линь Го редко видел такое выражение лица у Гу Чанъаня. Тот говорил будто о чём-то совершенно обыденном — вроде «пойдём на горячий горшок или на шашлыки». Но, встретив его взгляд, Линь Го невольно замер.

Слишком серьёзно. Такой взгляд.

И слишком нежно. Слово он даже не надеялся, что я соглашусь, но всё же ждал подтверждения. И каким бы ни был ответ, он принял бы его — как старший брат, уступающий младшему.

— Ничего, если не хочешь, это нормально. Я слишком тороплюсь. Просто, когда думаю о жизни с тобой, кажется, будто не могу ждать ни дня. Ладно, подожди тут минуту.

Сделав паузу на пару секунд, Гу Чанъань взял пакет из тележки и пошёл взвешивать.

Линь Го облокотился на тележку и уставился на выбранные полотенца и тапочки.

Чувство дома...

Пока он в уме перебирал слова Гу Чанъаня, тот уже вернулся с пакетом, сияя беззаботной улыбкой.

— Го, ещё что-нибудь берём? Или пошли?

— Давай.

До Нового года оставалось несколько дней. Хотя праздник и не представлял особого интереса — разве что новогодний гала-концерт посмотреть, вкусно поесть да по родне походить, — формальности соблюдать всё же полагалось.

Сначала мама Гу устроила генеральную уборку, велела развесить парные надписи и иероглифы «счастье». Не успел Гу Чанъань опомниться, как её голос разбудил его с отцом ни свет ни заря: пора везти подарки бабушке с дедушкой.

С бабушкой и дедушкой по маминой линии у Гу Чанъаня отношения были куда лучше. Бабушка — добрая душа, весёлая, разговорчивая. Дедушка помалкивал, лишь улыбался, слушая её. Оба старика — люди простые, с молодёжью ладили. В их доме Гу Чанъань чувствовал себя легко и свободно.

А у бабушки по отцовской линии — совсем иначе. Она была на три года старше деда и отличалась крутым нравом. Гу Чанъаню казалось, дед её побаивается. За всю свою жизнь он не припомнил, чтобы бабушка его хоть раз похвалила. Вечно твердила: «Девяносто восемь баллов — чему радоваться? Сотня — вот повод для гордости!»

Подарки, разумеется, сначала везли бабушке.

В детстве Гу Чанъань как-то раз закатил истерику — плакал, кричал, умолял остаться у бабушки, не ехать к другой. Мама и уговаривала, и стращала, еле уговорила поехать позже. Но едва они переступили порог, бабушка нахмурилась и даже не взглянула в их сторону. С тех пор семья всегда навещала её первой. К счастью, мама и бабушка не возражали, так что папа Гу мог спокойно встречать Новый год.

Днём в доме бабушки дед ушёл в кабинет упражняться в каллиграфии, папа с мамой помогали на балконе, а бабушка с Гу Чанъанем, щёлкали семечки и смотрели телевизор.

— Внучок, а девушка у тебя есть? — спросила бабушка.

— Э-э... — Гу Чанъань почесал затылок. — Вроде как есть.

— Есть — так есть, нет — так нет. Что значит «вроде как»? Всё ещё ухаживаешь?

— Уже добился.

Бабушка переключила канал.

— Добился, а говоришь «вроде как»? Разочаровался? Ответственности боишься?

— Бабуль, да какие в отношениях обязательства? Всё по взаимному согласию, — Гу Чанъань смущённо кашлянул.

— Как это — какие? — строго сказала бабушка. — За кошку, за собаку отвечать надо, а за человека — нет?

— Да шучу я, шучу! Конечно, буду отвечать, обязательно.

Бабушка, я только боюсь, как бы вы, узнав правду, не заставили меня от ответственности увилить...

— Ну вот и хорошо, — бабушка довольно улынулась.

Глядя на её доброе лицо, Гу Чанъань вдруг испытал острый порыв всё рассказать.

— Бабушка, вообще-то...

— Что «вообще-то»?

— Ничего, — он всё же передумал. — Бабушка, а если моя вторая половинка вам с родителями не понравится, вы будете против?

Бабушка отхлебнула чаю.

— У каждого своя судьба. Главное, чтобы ты с ней был счастлив, а нам вмешиваться не след. Да и потом, я твоему вкусу верю. Девушку, которую мой внук выбрал, я уж точно люблю.

— М-м...

Бабушка, а если это не девушка?

— Идите-ка отсюда, не мешайте! — мама выпроводила их с отцом с кухни.

На телеэкране кончилась реклама, начался обратный отсчёт до новогоднего гала-концерта. Полминуты — и стрелки пробьют восемь. Четыре часа концерта — и наступит официально 2011-й.

Гу Чанъань рассылал поздравления учителям и родне. Папа резался в игрушку на телефоне. Мама возилась на кухне.

Телефон трещал от уведомлений. Гу Чанъань, раздражённый, перевёл его в беззвучный режим.

С кухни донёлся голос мамы: велела сбегать за уксусом.

— Ой, да когда ж ты раньше говорила?! Неужто магазин в Новый год работает?

— Только сейчас обнаружила, что нету! Думала, ещё одна бутылка есть. Давай, не разглагольствуй, живо вниз сходи!

Гу Чанъань натянул куртку и вышел. Подойдя к магазину, увидел — действительно, открыто. Неужто и правда не закрываются?

— В праздник не отдыхаете? — спросил он на кассе.

— Отдыхаем, в восемь тридцать закрываемся, скоро, — ответила кассирша.

— А, скоро, — Гу Чанъань расплатился. — Спасибо.

Вернувшись домой, он глянул на телефон: четыре пропущенных от Линь Го и штук семь сообщений.

Гу Чанъань юркнул в свою комнату, прикрыл дверь и набрал номер.

— Алло, малыш.

— Почему так долго не брал? Я уже чуть не в ледяную глыбу превратился...

— Я в магазин сбегал, телефон не взял. Ты где? Как это — в глыбу?

— Я у тебя во дворе. Спускайся.

— У меня во дворе? Я только что пришёл, как же я тебя не видел? — Гу Чанъань, хоть и не верил, уже натягивал куртку.

— Я у ларька с шашлычками! Давай быстрее!

Теперь понятно, почему не заметил: ларёк с шашлычками был в противоположную сторону от

магазина.

Гу Чанъань выскочил из подъезда. Не прошёл и пары шагов, как под фонарём у ларька увидел знакомую фигуру.

— Го!

Он припустил бегом.

— Наконец-то! Держи.

Линь Го поднял с земли подарочную коробку и протянул Гу Чанъаню.

— Что это такое? Огромное!

Гу Чанъань принял коробку размером с ящик из-под пива. На вес она была лёгкой.

— Новогодний подарок, — Линь Го потер замёрзшие щёки. — Э-э... Распакуешь уже в комнате.

— Что за секреты?

— Ладно, я домой. Холодно. Тоже не задерживайся. — Линь Го сделал шаг, потом обернулся. — А, и не урони. Осторожней.

— С чего бы я его ронял...

Линь Го опустил голову.

— Просто... там мои чувства... Ну всё, я побежал, а то такси не поймаю.

Не дав Гу Чанъаню слова вымолвить, он уже отбежал на несколько метров. Гу Чанъань крикнул ему вслед, вытянув шею:

— Го! С Новым годом!

Линь Го обернулся, помахал рукой:

— С Новым годом!

Когда Гу Чанъань вернулся, мама всё ещё лепила пельмени на кухне, папа хохотал над телевизионным скетчем. Он быстро сменил обувь и, крадучись, словно вор, пронёс коробку в свою комнату.

<http://bllate.org/book/16270/1464329>